

Инкорпорация как проявление закона языковой экономии

Елизавета Смирнова*

Старший преподаватель Национального исследовательского университета,
Пермь, Россия

(дата получения: май 2013 г.; дата принятия: июнь 2013 г.)

Краткое содержание

В настоящей статье рассматриваются вопросы, касающиеся закона языковой экономии, имеющего универсальный характер. Экономия актуализируется в языке в явлениях, в основе которых лежит асимметрия двух составляющих языкового знака. В фокусе нашего внимания находится такое неоднозначно трактуемое явление как инкорпорация, которое обнаруживается и в индоевропейских языках, в частности, в русском и английском. Автор статьи разделяет точку зрения многих ученых относительно асимметричного дуализма языковых знаков, который способствует развитию языковой системы. Инкорпорация, будучи проявлением действия языковой экономии, распространяется на все языки мира, стадийно предшествует синтаксическим конструкциям. Предполагается, что в условиях необходимости экономии времени и усилий говорящий делает выбор в пользу инкорпорантного комплекса. Инкорпорации подвергаются слова, семантически связанные с субъектом и предикатом, создаваемые конструкции в этом случае изморфичны словосочетаниям.

Ключевые слова: языковая экономия, инкорпорация, глагол с инкорпорированным актантом, инкорпорантный комплекс, асимметричный дуализм.

* Телефон: +7342 282 58 07; E-mail: cmelizaveta@yandex.ru

Введение

Огромный поток информации, с которым мы сталкиваемся каждый день, ускорение научного прогресса, стремление сэкономить время и энергию вынуждают нас сокращать свои мысли до минимума, «тем самым побуждая к жизни и вводя новые экономные формы» (Павлюковец 2009. 82), которые получают все более широкое распространение в языке.

В.В. Елькин выдвигает тезис об универсальности закона языковой экономии, поскольку биологические характеристики идентичны у представителей всех народов мира (Елькин 2001. 45). Следовательно, можно предположить, что, в силу общности этих биологических характеристик, носители различных языков будут пользоваться одним и тем же алгоритмом обработки перцептивной информации и выбирать схожие средства выражения мыслей.

Основная часть

Принцип лингвистической экономии проявляется в языке в тех явлениях, в основе которых лежит асимметрия двух составляющих языкового знака, то есть расхождение означающего и означаемого. Это полисемия, синонимия, омонимия, сокращения и аббревиатуры, диффузность, эллипс, субституция, нейтрализация, синкретизм, инкорпорация. Как отмечает С.И. Карцевский, асимметричный дуализм языковых знаков способствует развитию языковой системы (Карцевский 2004. 245). Следовательно, закон языковой экономии задает направление развитию языка в целом.

С.Д. Кацнельсон пишет о синтаксической деривации, наблюдающейся в языках, в которых широко развито словосложение. Синтаксическая связь между лексическими компонентами прозрачна, вследствие чего «такие обозначения в контексте легко освобождаются от избыточных элементов» (Кацнельсон 1965. 108). Таким образом происходит устранение

синтаксической структуры высказывания, что объясняется стремлением нашего ментального синтаксического анализатора минимизировать процесс введения составляющих (Пинкер 2004. 209), что приводит к повышению информационной плотности высказывания.

В.А. Плунгян полагает, что ярким примером самого компактного способа выражения мысли является инкорпорация – «в одном слове-предложении сразу упакована вся мысль» (Плунгян 2010. 173). С такими предложениями В.А. Плунгян сравнивает аббревиатуры, использовать которые также удобно: «и короче, и быстрее» (там же. 174). В настоящее время в сети Интернет различные аббревиатуры получили огромное распространение, например, *brb* (*be right back*) – я мигом, скоро буду; *CYO* (*see you on-line*) – увидимся в сети; *FOAF* (*friend of a friend*) – друг друга.

Инкорпорация (позднелат. *incorporatio* – включение в свой состав, от лат. *in* в и *corpus* единое целое), объединение в одно морфологическое целое двух и более семантем, представляющих собой подвижные компоненты с обособленными лексическими значениями; количество и порядок этих компонентов каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между ними соответствуют отношениям синтаксическим (БЭС, И.р.).

Взгляды исследователей на сущность понятия «инкорпорация» различны. Так, в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой инкорпорация рассматривается как продуктивный способ образования слова (или особого рода синтагматической единицы) путем сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами (СЛТ, 177).

В Большом энциклопедическом словаре инкорпорация определяется как «способ синтаксической связи компонентов словосочетания (частичная И.) или всех членов предложения (полная И.), при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них»

Однако некоторые ученые придают данному понятию более широкий смысл. В частности, Л. Теньер рассматривает явление инкорпорации как крайнюю степень агглютинации. В полисинтетических (инкорпорирующих) языках «агглютинация зашла так далеко, что захватила все элементы предложения, которые представляют собой одно огромное агглютинированное слово». При этом важно отметить, что агглютинация, а, следовательно, и инкорпорация в той или иной степени характерна для **всех языков мира** (Теньер 1988. 43) (выделено нами – Е.С.), что представляется вполне закономерным, поскольку инкорпорация является проявлением действия закона языковой экономии, затрагивающего все человеческие языки.

Инкорпорация стадильно предшествует всем остальным синтаксическим конструкциям, так как она находится ближе всего к однословному высказыванию. Инкорпорация является способом цельного нерасчлененного выражения мысли, ее наличие и распространение во многих языках подтверждает высказанный В. фон Гумбольдтом тезис о том, что «...вначале человек в глубине своей души... связывает с каждым произносимым звуком языка полновесный смысл, то есть имеет в виду законченное предложение; с точки зрения своего намерения говорящий никогда не произносит отдельных слов, даже если, с нашей точки зрения, его высказывание односложно» (Гумбольдт 2000. 149). Эта мысль В. фон Гумбольдта получила развитие в современном языкознании (Ольшанский 1983, Левицкий 2011, Анохина 2006). Предложение рассматривается не как некое образование, состоящее из отдельных слов, а как «комбинированный знак события» (Ольшанский 1983. 55). В процессе общения, выражения мысли «говорящие либо дробят ее на отдельные слова и придают им соответствующую морфологическую форму (как это имеет место во флективных языках), либо помещают слова в определенные, фиксированные позиции (как в корнеизолирующих языках), либо выражают ее с помощью столь же тесного сплочения, соединения слов (основ), как это имеет место в том сгустке смысла, который служит «образом» предложения, то есть разные языки выбирают разные способы

«упаковки» мысли» (Анохина 2006. 12). При этом, как полагает Ю.А. Левицкий, «в процессе коммуникации говорящий не производит преобразований одних синтаксических конструкций в другие, а выбирает из имеющихся в его сознании синонимических конструкций ту, которую он считает наиболее удачной для данных условий» (Левицкий 2011. 165). Следовательно, можно предположить, что при необходимости экономии времени и усилий этот выбор будет сделан говорящим в пользу инкорпорантных комплексов.

В живых языках сохранилась не первоначальная – полная – форма инкорпорации, а лишь частичная, «где единый комплекс образует не все предложение в целом, а лишь его компоненты, которые наиболее связаны друг с другом по смыслу. В первую очередь единую схему инкорпорирования утрачивают субъект и предикат. Они выделяются и воспринимаются каждые в отдельности, а инкорпорации подвергаются слова, семантически связанные с ними (Левицкий 1995. 35-36). Такие конструкции напоминают по форме словосочетания, но отличаются от них морфологической цельнооформленностью.

Как отмечает И.А. Муравьева, «представление об инкорпорации сложилось в основном в начале XX в. в результате планомерных исследований двух основных крупных ареалов распространения инкорпорации: языков американских индейцев (в совокупности называемых ареальным термином «америндские языки»), а также исследованием палеоазиатских языков (в совокупности называемых ареальным термином «палеосибирские языки», наиболее ярким представителем которых в этом отношении выступает чукотско-камчатская семья) (Муравьева, 2004. 55). Таким образом, под инкорпорацией И.А. Муравьева понимает особый грамматический строй, характерный для инкорпорирующих языков, к которым относятся языки американских индейцев и палеоазиатские (палеосибирские) языки.

Особенностью инкорпорации как способа выражения грамматических функций является ее комбинированный морфолого-синтаксический характер,

внешне напоминающий определенный прием морфологии словообразования, а именно словосложение, то есть соединение двух или нескольких слов в одно в целях образования нового слова. Но, будучи по своему строению сложным целым, инкорпорация служит не целям словообразования, а целям выражения синтаксических отношений между объединенными в единый инкорпоративный комплекс словами. Ср. чукот.: *Ты-мачеэ-тпынп-ын кораны* «(Я) кольнул в грудь оленя (его)», букв. «грудекольнул оленя» (Кацнельсон 1983. 19).

Непродуктивные сложные слова типа "имя + глагол" отмечены в разных группах индоевропейских языков, не являющихся полисинтетическими. Так, М. Бейкер утверждает, что «в английском языке есть нечто похожее на инкорпорацию существительных... Хотя в английском языке обычно нельзя объединить существительное и глагол в личной форме, можно соединить существительное с другим существительным для образования сложных слов типа *doghouse* или *earwax*. Более того, вторая часть в таких сложных словах может быть образована от глагола путем прибавления специального суффикса, например *-er* или *-ing*. Таким образом, хотя нельзя сказать **The husband dishwashed*, можно использовать слова *dishwashing* или *dishwasher*. Кроме того, носитель английского языка, как и говорящий на могавке, по этому образцу может легко создавать новые слова...» (Бейкер 2008. 94). Глаголы с инкорпорированным неодушевленным объектом можно обнаружить и в русском языке, например: *кашеварить* – *варить кашу*; *престолонаследовать* – *наследовать престол*; *зубоскалить* – *скалить зубы*. Интересно отметить, что некоторые глаголы, которые не воспринимаются как глаголы с инкорпорированным объектом действия на самом деле, как отмечает В.Г. Гак, в древнерусском языке употреблялись как сочетания глагол + прямое дополнение, например, *Войны многие творящее* – *Он много воевал*; *Творятъ куплю* – *Торгуют*; *Убийства сотворити* – *Убить* (Гак 2010. 243), то есть в процессе исторического развития произошло инкорпорирование актанта, обозначающего неодушевленный объект действия, в глагол.

По мнению Э. Сепира, «образование сложных имен можно определить как соединение в одном слове двух независимых слов или основ, в результате чего получается новое имя. В данном случае нет никаких ограничений на синтаксические отношения между двумя элементами сложного слова». Например, слова *steam-engine* 'паровая машина', *concert-singer* 'певец, выступающий в концертах' и *song-writer* 'поэт-песенник' по морфологическим критериям относятся к одному классу; все они состоят из двух имен, объединенных в одно слово, и первое из них некоторым образом определяет второе. Однако синтаксические или логические отношения между двумя членами этих сложных имен в каждом случае различны. В примере *steam-engine* слово *steam* связано со словом *engine* инструментальным отношением, так что слово *steam-engine* логически эквивалентно или заменяет синтаксически более определенное выражение 'машина, работающая при помощи пара'; слово *concert* 'концерт', напротив, определяет слово *singer* 'певец' в локативном отношении, другими словами, *concert-singer* логически эквивалентно выражению 'певец в концерте'; наконец, слово *song* 'песня' в логическом отношении является объектом слова *writer* 'писатель, поэт', и последнее из приведенных сложных слов эквивалентно выражению 'тот, кто пишет песни'. Таким образом, все эти три имени представляют собой один морфологический тип слова и три синтаксических или логических типа (инструментальный, локативный и объектный). Если по аналогии с выбранными сложными именами образовать три глагола – *to steam-run* 'работать на пару', *to concert-sing* 'петь в концерте' и *to song-write* 'писать песни', – то становится очевидно, что слова *steam*, *concert* и *song* соотносятся с соответствующими глаголами *run*, *sing* и *write* как имя инструмента, локативное имя и прямой объект. «Эти отношения, однако, такие же чисто логические, неграмматические в случае с глаголами, как и в случае с именами. Что касается грамматики, нет никаких причин, по которым *to song-write* или *steam-engine* не могут быть поняты в смысле 'писать с помощью песни' или 'машина, сделанная из пара'; такая интерпретация абсурдна только с точки

зрения логики». Э. Сепир полагает, что в английском языке, как и в большинстве индоевропейских языков, глаголы типа *song-write* или *steam-run*, то есть сложные образования состоящие из имени и глагола, образуются редко или совсем не образуются. Однако теоретически нет никаких препятствий для существования таких глаголов (Сепир И.р.).

Как отмечает П.Я. Скорик, исследователь современных инкорпорирующих языков, «объединенные таким образом основы, хотя и являются лексико-семантическими эквивалентами соответствующих слов, в отличие от последних не имеют самостоятельного грамматического оформления, заключены в одну морфологическую конструкцию и находятся в ней в отношениях не тождественных, а лишь соответствующих синтаксическим отношениям отдельно оформленных слов» (цит. по Левицкий 1995. 35-36). Как мы уже отмечали, инкорпорация является характерной чертой полисинтетических языков, например, чукотского¹, могавка², кабардино-черкесского³ и др. Однако сложные слова типа "имя + глагол" отмечены в разных группах индоевропейских языков, не являющихся полисинтетическими, в частности, в русском и английском. Например, глаголы *to houseclean* – убирать дом, квартиру; *to brainwash* – «промыывать мозги», подвергать идеологической обработке; *to fortune-tell* – гадать, предсказывать будущее; *рыболовствовать* – ловить рыбу; *престолонаследовать* – наследовать престол – эквивалентны словосочетаниям глагола с прямым дополнением; *to handweave* – ткать вручную – *to weave with hands*; *to finger-paint* – рисовать пальцами – *to paint with fingers*; *рукодельничать* – делать что-то руками; *рукоприкладствовать* – прикладывать руки, то есть глаголу с инструментом (неотчуждаемым

1- Один из чукотско-камчатских языков. Распространён в Чукотском автономном округе. Число говорящих – около 11 тысяч человек (Мусорин 2004. 181).

2- Язык племени североамериканских индейцев, входящего в союз ирокезских племен (БСЭ).
3- Язык племени из абхазско-адыгских языков. Распространён в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Чеченской Республике. Число говорящих – около 370 тысяч человек (Мусорин 2004. 124).

орудием); *to skydive* – совершать затяжной прыжок с парашютом (буки. нырять в небо) – *to dive into the sky*; *to air-drop* – сбрасывать с самолета; *домоседствовать* – сидеть дома; *казнокрадствовать* – красть из казны, то есть глаголу с локативом и так далее. Ранее подобного рода глаголы преимущественно изучались в системе словообразования как примеры словосложения. Однако, являясь составными словами, подобные глаголы представляют собой особый случай инкорпорации, поскольку в семантическом плане они эквивалентны сочетаниям глагола с каким-либо членом предложения (Анохина 2006. 42-43).

Иногда подчиненный глаголу член предложения, выражающий участника с данной ролью принципиально невозможен. В этом случае мы говорим об инкорпорации актантов. Инкорпорированный актант, по мнению В.М. Алпатова, это актант, «фиксированный с точностью до лексемы и синтаксически невыразимый (например, глаза у *видеть*; губы у *целовать* и под.). Иногда глагол сливается с именем, на которое распространяется его валентность, так, в айнском языке часто встречаются такие примеры инкорпорирования актантов, как *'api* «огонь», *'ari* «разжигать», *'apfari* «разжигать огонь», *he* «голова», *'usi* «прикреплять что-л. к чему-л.», *he usi* «надевать что-л. на голову», *kewe* «тело», *ri* «быть высоким», *keweri* «быть высокого роста» (Алпатов 1983. 85). В английском языке примерами таких глаголов могут служить слова *to car*, *to elbow*, *to chair* и т.д., в русском – *утюжить*, *пылесосить*, *глазеть* и т.д. В этом случае валентность таких глаголов понижается.

При определенных условиях актант глагола может "экскорпорироваться": *вижу одним глазом*. Слово *глаза* фигурирует в огромном числе описаний ситуации видения: *вперить, пялить, (вы)пучить, (вы)лупить, (вы)таращить глаза; смотреть во все глаза; не спускать, не сводить глаз, не мочь глаз оторвать; пожирать глазами, высмотреть все глаза, глядя, окинуть/смерить глазами»* (Падучева 2001. 26). Р. Джекендофф приводит следующий пример из английского языка: нельзя сказать **to butter the bread*

with butter, букв. 'намазать хлеб маслом', но можно *We buttered the bread with cheap margarine* 'Мы намазали хлеб дешевым маргарином'. Участник «вещество» выражается лексически в составе глагола-конверсива, поэтому, в принципе, нет необходимости в его синтаксическом выражении. Однако, как пишет Р. Джекендофф, глаголы типа *to butter* наследуют актантную структуру глагола *to cover* 'покрывать (веществом)' с актантом Тема. При присоединении к глаголу группы с предлогом *with* концепт 'butter' превращается из имплицитного участника в селективное ограничение Темы. Для того, чтобы высказывание *to butter with ...* было успешным, оно должно добавлять новую, избыточную (non-redundant) информацию, то есть как-то уточнять концепт 'butter'. Дешевый маргарин как раз и является удачным примером спецификации данного концепта. Помимо глагола *to butter* 'мазать маслом', инкорпорированный актант имеют глаголы *to powder* 'пудрить', *to ice, to frost* 'покрывать сахарной глазурью', *to line* 'класть на подкладку' и многие другие» (Ляшевская И.р.). В этом случае валентность глагола не изменится.

Заключение

Таким образом, инкорпорирование актантов может не влиять на валентностные свойства глагола, но в большинстве случаев валентность глаголов с инкорпорированными актантами понижается, что приводит к упрощению синтаксической структуры предложения и подтверждает тезис о том, что инкорпорация является проявлением действия закона экономии в языке.

Литература

- Алпатов В.М. (1983). *К топологической характеристике айнского языка* // Вопросы языкознания. Москва. Изд-во "Наука". № 5. С. 81-86.
- Анохина М.А. (2006). *Явление инкорпорации в английской глагольной лексике: на материале адвербиальных глаголов английского языка*: Дисс. ... канд. филол. н., Барнаул.

- Бейкер М. (2008). *Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания*. Пер. с англ. / Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. Москва. Изд-во ЛКИ.
- Гак В.Г. (2010). *Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований*. Изд. 2-е, испр. Москва. Изд-во "Книжный дом «ЛИБРОКОМ»".
- Гумбольдт В. фон (2000). *Избранные труды по языкознанию*: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. Москва. "ОАО ИГ «Прогресс»".
- Елькин В.В. (2001). *Диалогическая речь – основная сфера реализации языковой экономики*. Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 28 с.
- Карцевский С.И. (2004). *Из лингвистического наследия*. II Сост., пер., вступ. ст. и коммент. И.И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. Москва. "Языки славянской культуры".
- Кацнельсон С.Д. (1965). *Содержание слова, значение и обозначение*. Ленинград "Наука".
- Левицкий Ю.А. (2011). *К вопросу о второй коммуникации* // Проблемы социо- и психолингвистики: сб.ст. Пермь. Вып. 15. С. 159-167.
- (1995). *От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию*: Учеб. пособие. Пермь. Изд-во "Перм. ун-та".
- Ляшевская О.Н. *«А ты головой подумай»: о тавтологическом выражении инкорпорированных актантов глагола*. <http://iling.spb.ru/nord/material/rusconstr2009/lashevskaja.pdf>
- Муравьева И.А. (2004). *Типология инкорпорации*. Дисс. ... доктора филол. н. Москва.
- Мусорин А.Ю. (2004). *Основы науки о языке*. Новосибирск.
- Ольшанский И.Г. (1983). *Взаимодействие семантики слова и предложения* // Вопросы языкознания. Москва. Изд-во "Наука". № 3. С. 52-62.
- Павлюковец М.А. (2009). *Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономики: функциональный аспект*. Дисс. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону.
- Падучева Е.В. (2001). *К структуре семантического поля "восприятие" (на материале глаголов восприятия в русском языке)* // Вопросы языкознания. Москва. Изд-во "Наука". № 4. С. 23-45.
- Пинкер С. (2004). *Язык как инстинкт*: Пер. с англ. / Общ. ред. В. Д. Мазо. Москва. Изд-во "Едиториал УРСС".
- Плунгян В.А. (2010). *Почему языки такие разные*. Москва. Изд-во "АСТ-ПРЕСС КНИГА".
- Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. http://www.classes.ru/grammar/145.Sepir/source/worddocuments/_21.htm

Теньер Л. (1988). *Основы структурного синтаксиса*: Пер. с франц. Москва. Изд-во "Прогресс".

Лексикографические источники

Большая советская энциклопедия <http://bse.sci-lib.com/>

Большой Энциклопедический Словарь <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139314>

Словарь лингвистических терминов (2004). / Ахманова О.С. Изд. 2е, стереотипное. Москва. Изд-во "Едиториал УРСС".

Принятые сокращения

БСЭ – Большая советская энциклопедия

БЭС – Большой Энциклопедический Словарь

И.р. – Интернет ресурс

СЛТ – Словарь лингвистических терминов